

Владимир КОШЕЛЕВ

Владимир Кошелев родился в 2000 году в Воронеже. Окончил гимназию и художественную школу, в 2018 году поступил в Литературный институт им. Горького (семинар Е.Б. Рейна). Состоит в арт-группировке «За Стеной», редактор сетевого журнала «Флаги». Публиковался в журналах «Воздух», «Плавающий мост», на «Студии» «Новой карты русской литературы». Шорт-лист молодёжной поэтической премии «Цикада» (2021). Живёт в Москве.

Элегия Фрэнсиса Бэкона

Что остаётся? Рыба твоего рта
Заржавела, как вентиль,
В ткани моцетты дёргается гортань
Винтоватая, – жив ли ты, Иннокентий?

Ты уже цвета судороги, Папочка, хватит, вставай –
Радиатор почти что ноги твои докушал,
Мышцы подола порваны, как словарь,
В котором смешались стужа, жара и ужас.

Дай посмотреть очки. Они тебе не нужны, –
Громадина фона просится из потёмок,
Да так что потомки за? спину отошли,
Оставив твоё лицо, Броненосец Потёмкин.

В подворотнях обочины

In Dark Trees

Фотообывск без следствия: кадр
Остановленный, т. е. – авто
Чёрно-белого камня, и камень
С теньвым своим Санчо – одно:
– Направление? – Северо-запад.
– Солнце село уже всё равно,
Оставайтесь на месте. Мы рядом.
Улыбнитесь – двойное стекло
Очень хрупкое, лучше не надо, –
Обездвиженный эмбиент от –
Зафиксирован – это немало –
От асфальта, как ниточки пара,
Словно пот ваш, но наоборот.

GEO

то ли стрелки воды, и за каждой хвосты и колготы,
то ли осы подземные там, где балетные соты

потому-то оно под ногами, как дым, копошится

и похоже на мутное дно безвоздушного шприца

так вода остаётся бродить в гостевых лабиринтах,
щепетильных кругах и значениях, литрах и пинтах

потому-то земля высыхает, но с верхнего бока,
как корова упавшая навзничь от нашего тока

то же время пришло и уже поднимает касторку
сквозь сухую листву, будто небо в закрытую створку

то же небо настолько с другой стороны, что упали
то ли стрелки воды, то ли прочие вверх вертикали

...опять снега...

– А. Блок

С.Д.

сними через голову степь: окно
с шеи сначала, как
мокрое платье своё, кино,
плёнку от молока

долго стесняется ночь ч/б
тела в проёме дня,
но всё равно отдаёт тебе
себя на рентгене огня

между деревьев чужой объём
воздуха: колесом
грудь его давит на вас вдвоём,
точно впотьмах – лицо

Лицо восковых имён

Мёртвые принадлежат нам, если мы им это позволяем.

Поверьте мне, наши мертвецы продолжают жить.

Жюльен Давенн

1. Горячее имя

собакам ты снилась, когда они в форме подков
остывали под брызгами лопнувших поводков;
мне ты приснилась, когда я расчёсывал пар
и заблудился, не вышел в оптический парк

вместо него на воздух, как бусы, мост
кто-то повесил, видимый спинной мозг,
импульсы жаркие мечет туда-сюда, –
я видел тебя в пробелах его труда

пятно восковое, рембрандтовский мазок
поверх темноты, как будто сплошной глазок,
маешься телом неоновом светляка,
севшего на руку медленного ветряка

где между этими паузами дышишь ты,
падаешь в полные скважинами кусты,
многоступенчатый ключ, открывай чердак,
там, где лежит нарисованная черта

II. Объёмное имя

от пола она отрывается, как спина
кошачья, и вижу – арка под ней темна,
будто на фоне грозы посмотрел в кольцо,
из которой всплывает следующее лицо

стеклянный стою и пробую поцеловать:
ноги-бутылки лопаются, в целлофан
я превращаюсь, чувствуя, что теперь
во мне ошиваешься, точно пустая дверь

будучи вязким парусом волокна,
я двигался к берегу маленького окна,
в нём ты блестела без тела, и кажется мне,
что не отражение это – маяк в окне

мы сблизились, стали полными, как стакан,
дно у которого кто-то прибрал к рукам, –
что я увижу в подзорной своей трубе,
то, вероятно, слышит труба в тебе

III. Чужое имя

сердце от ветра бьётся, как простыня
на верёвке, чья линия – стрелочка для меня
в компасе-яме, я – осторожный циркач,
успел ухватиться, и вытащил нас тягач

ты испугалась, стала воронкой от
того, чем являлась; эхо наоборот
доходит, и я понимаю, что слышу, как
тень от моста упала на пол в чердак

слышу, как вдалеке раздаётся шум,
смола поднимается, я уже не дышу,
и лето густое, ноги мои смешав,

ставит в два хода мат, и раздался шах

слышу, как крыльев огромных вошёл хлопок
в смолу и не вышел, я почему-то смолк,
последнее вижу: янтарь и двубортный свет,
так бабочка спит, как собранный велосипед

На мотив стадиона

мы на теле твоём
как на камбале пыльной плавём
и воздушный объём
обезглавленным львом обзовём

потому что не съест и пришпоренный буйствует шар
как

тюрбан с головы мы убили тебя падишах

мы прозрачный предел обнаружим в пространстве шатра
чья шкатулка как ночь европейской булавкой щебра

и на шпагах своих мы качаем последний удар
точно всплеск в тишине и лягушку внутри у пруда

мы на теле твоём
как на камбале пыльной плавём
и воздушный объём
назовём внеземным королём